

экзистенциальные симптомы, такие как переживание отсутствия интереса к жизни, ощущение бессмысленности жизни, ее застоя, чувство проживания не своей жизни, ее пустота. Еще одним следствием своевременного нерешенного жизненного кризиса является появление и *симптомов психосоматических*. В этом случае у человека могут возникать психосоматические заболевания.

4. Появление психосоматической симптоматики – неблагоприятный вариант протекания хронического неразрешенного жизненного кризиса, осложняющий его решение. Появление соматических симптомов, как правило, означает, что симптомы предыдущего уровня (психические и экзистенциальные) не «донесли до человека» смысл его состояния. Так психосоматика может «маскировать» неразрешимый, хронический кризис жизни.

5. Психосоматический симптом «отвлекает» человека от решения стоящих перед ним задач развития, смещает фокус внимания с экзистенциальной сферы в сферу соматического здоровья. Вместо того чтобы задаваться вопросами «*Что не так со мной и моей жизнью?*», человек начинает спрашивать себя «*Что не так с моим организмом?*». При этом энергия, необходимая человеку для решения его очередной жизненной задачи, уходит на обслуживание симптома, на решение задачи выздоровления и выживания. И человек, вместо того чтобы жить продуктивной жизнью, вынужден выживать. *Психосоматический симптом переводит фокус внимания человека из режима жизни в режим выживания.*

6. Психотерапия помогает определить причины появления психосоматических заболеваний у человека. В некоторых случаях таковой может быть и непродуктивно прожитый жизненный кризис. В этом случае психотерапевтическая работа необходимо смещается из соматического измерения в измерение экзистенциальное, в котором фокусом исследования и проработки становится идентичность клиента и его жизнь в целом. В результате проработки в ситуации психотерапии истинных причин кризиса жизни психосоматические симптомы теряют свой смысл и постепенно «уходят со сцены жизни клиента».

Е. Л. МАЛИНОВСКИЙ

Беларусь, Минск, БГПУ имени Максима Танка

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЗДОРОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Реальность здоровья не отделима от субстанции, этого латинского аналога греческого *ὄντος* как естественного бытия, существующего на уровне здравого смысла. Онтология Аристотеля через *Dasein* М. Хайдеггера объединяет теологию и экзистенциализм «возможностью онтопсихологии

как трансцендентальной психологии совершенства цели» (А. Маслоу, 2011). Б. Г. Ананьев предлагал использовать термин «онтопсихология» для новой синтетической дисциплины, изучающей целостный онтогенетический ряд и жизненный путь личности [1], при которой критический рационализм служит «открытому обществу, могущему ошибаться, а вы можете быть правы; сделаем усилие, и мы, возможно, приблизимся к истине» (К. Поппер, 1992). Определение сущности как конституированного принципа конечного сущего, отделенного, по Э. Корету, от иных содержаний бытия [2, с. 56], открывает Логос как человека Слова, осознающего свою сингулярность через провозглашение Имени Отца (Ж. Лакан, 2009). В конце прошлого века А. Менегетти публикует ключевые позиции онтопсихологии: семантика коммуникации на бессознательном уровне; мониторинг отклонения элемента структуры человеческой психики, искажающей восприятие реальности; онто *in-se*, или принцип исторического самозидания; сила образов женского ума и мужского стиля в проекте жизни; практика и метафизика психотерапии; психология лидера; психосоматика; система и личность [3]. При беглом взгляде на результат данного постижения становится очевидным, что ни один ученый не может управлять онтологическими категориями, если не захвачен (от лат. *captum*) жизнью в самом деле и в целом, лично. Если же он начнет убеждать, «чтобы выстраивать собственную жизнь, сначала необходимо восстановить самого себя» [3, с. 48], скорее всего, он не сможет отличить онтологический образ от фрактального (от лат. *fract* – ломка, раскол) пятна, а театральную репетицию от самостоятельности «творить все новое» [Откр 21: 5]. Ведь без нового остается лишь рутина «знаний, умений, навыков», ведущая к burnout профессионального выгорания. С другой стороны, феминное *make love, not war*, или «заниматься любовью, не войной», также требует онтологически зрелого анализа *πατέρασ πολέμου των πάντων* как «войны отца всего» (Гераклит).

Наше онтологическое видение психологии здоровья предполагает исследование психолого-педагогических условий для ЭДИПа (аббревиатура *event drive informing paternity*) как событийного вождения онтологического информирования, репатрирующего в эдипальном субъекте идентификацию личности с «Отцом личного правремениа» [4, с. 124] – и от Него к Логосу как ассертивной личности. Репатриация эдипа – это аналитическая реакция на элиминацию генитального родителя из субъекта образования, при котором «абсолютное означающее Имени Отца есть неуловимый элемент мифологической этики» (Ж. Лакан). Матрица учебных программ и планов априори так предпосылает педагогическую психологию на рабский труд дифференциации личности от индивида, субъекта и индивидуальности, как Венера в Апулеевских «Метаморфозах» посылает

наивную Психею на отделение пшеницы от общей кучи стихийно перемешанных зерен. Без отцовской осуществленности (от лат. *implementation*) и личной свободы подобный труд обречен на недоразумение. Если, по М. Хайдеггеру, «язык является домом бытия», то онтологической основой исследовательской программы может стать восприятие «я» как *dubito ergo cogito ergo sum* и *discourse la metode* декартовской системы координат в виде фрейма, если не наглядного пособия, без которого современной педагогической психологии не обойтись. Вообще оптимистическое относительно здоровья понятие функции выражает интуитивное представление о том, как одна величина полностью определяет значение другой. Так, значение переменной здоровья однозначно определяет следующее за ним нездоровье, а онтологическая функциональность человека приводится к элементарному соответствию его биологическому отцу. Отсюда репатриация в онтологии – процесс обратный инфантильной элиминации Имени Отца из Им же сотворенного отечества. Первый прецедент экспата был сопряжен с лишением Исаака отцовского намерения первородства для любимого сына. Предназначенное для Исаво благословение коммутативным способом досталось брату-близнецу Иакову, любимому сыну Ревекки, которая принудила его лгать в пределах эмансипированного желания преимуществ физически слабого «сына шатров» над сильным сего мира «сыном полей», при том что «большой поработает меньшему» [Быт 25:23]. В ответ на опасение сына быть проклятым, если обман откроется, Ревекка сказала: «...на мне пусть будет проклятие твое, сын мой, только послушайся слов моих» [Быт 27:13]. С истории близнецов началось доминирование «воображаемого» (Ж. Лакан) книжника (от греч. *βιβλία* – книги) над «реальным» представителем «чечевичной похлебки» [Быт 25:31]. Однако пророчество об Исаве не заставило себя долго ждать: «Будешь жить мечом твоим и служить брату твоему; будет же время, когда воспротивишься и свергнешь иго его с выи твоей. И возненавидел Исав Иакова за благословение, которым благословил его отец его; и сказал Исав в сердце своем: приближаются дни плача по отце моем, и я убью Иакова, брата моего» [Быт 27: 41].

Актуальность программно исследования исходит из понимания кризисной ситуации онтологической неопределенности, при которой знаково-символические средства опосредуют развитие высших психических функций [1] субъекта, подпадающего «ситуации буриданова осла» между *alma mater* и принципом личного владения: «Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается» [Еккл 6:7]. Структура бессознательного незамедлительно и безотчетно занимает (англ. *cathexis*) желания и мнения человека интроекциями феминных удовольствий: «Если Вы грезите мечтами Другого, значит Вы пропали, Вас нет» (Ж. Делез). Отсюда, по

3. Фрейду, безотчетная одержимость убийством Отца, закон которого захватил безличный зоо *politikos* (Аристотель), придав себе «имя легион» [Мк 5:9] и став «между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он пред лицом всех братьев своих» [Быт 16:12]. Динамика подобного захвата всегда сопровождается амбивалентностью (люблю – не люблю) в «заброшенности» (нем. *Vernachlebung*), по М. Хайдеггеру, бытия во времени через депривацию актуального Имени Отца. В глобальном масштабе жертвенной любви мира Богом [Ин 4:16] лишение этого мира Божественного Имени Отца сопряжено с травматологическим эдипальным комплексом индивида, обреченного на EDIP со знаком минус, по аббревиации *event deprivation informing patters*, или «лишение информации о событиях». Исследованию онтологического мышления и стабильного состояния EDIPa со знаком плюс, т. е. *event drive informing personality*, или «событийное вождение информации отца», противостоит стохастическая переменная (от греч. *στόχος* – цель, догадка, случай). Данный метод вождения предполагает недетерминированное, вероятностное внимание к внезапному (англ. *emergent*) явлению: «И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не образованным благосклонность, но время и случай на всех их» [Еккл 9:11]. Ибо любое детерминированное или вероятностное развитие процесса во времени при стохастическом анализе будет случайным (М. Кас & J. Logan, E. Nelson, 1985).

Показалось существенным исследование такого критерия онтологического владения предметом, при котором ограниченность рациональных ресурсов самоконтроля компенсируется стохастическим, предполагающим случай удовлетворением потребностей при *nudge* как «слегка подталкивающим» (Р. Галер, 2017) выборе. В отличие от выбора (от лат. *arbitrium*) как онтологической категории, случай и стохастический метод подвержены верификации эвентуальной «парадигмы математической множественности» (А. Vadiou, 2013). В онтологии как учении о бытии нет места для риторических вопросов, поэтому бессознательный срыв естественного образа подвержен диалогу, который в своем изначальном греческом значении *διά* (сквозь) и *λογος* создает формат решения проблемы здоровья, которая, по С. Хокингу, не в том, что «возможности нашего тела не дают выбраться из него», а в том, что «возможности нашего разума не дают нам выйти за ограничения, наложенные умом, в вопросах постижения реальности. Может ли ограниченное постичь безграничное? Ответ очевиден.

Список использованной литературы

1. Ананьев, Б. Г. К онтопсихологии человека / Б. Г. Ананьев // Теоретическая и прикладная психология в Ленинградском университете. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1962.

2. Корет, Э. Основы метафизики : учеб. пособие / Э. Корет. – Киев : Тандем, 1998. – 246 с.

3. Менегетти, Антонио. Онтопсихология: практика и метафизика психотерапии / Антонио Менегетти. – М. : Онтопсихология, 2009. – 192 с.

4. Фрейд, З. Я и Оно / З. Фрейд. – М. : Азбука, 2021. – 288 с.

Е. Е. МАРЧЕНКО, Е. В. МАРЧУК

Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ОРИЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВ

В условиях современного быстроразвивающегося общества важное место занимает самоопределение личности во времени. Умение определять долгосрочные цели, свободно и самостоятельно планировать время, строить жизненную, а также профессиональную стратегию связаны с тем, каким видится человеку его будущее.

Под временной ориентацией понимается доминирующая направленность личности на объекты (события) прошлого, настоящего или будущего (Ж. Ньютен). Восприятие прошлого и настоящего влияет на планирование будущего, а отношение к будущему в свою очередь влияет на поведение человека в настоящем, на то, как он воспринимает и осмысливает те или иные происходящие с ним события.

Жизненные планы могут выступать как своеобразный показатель овладения личностью своим внутренним миром (Л. С. Выготский). Известно, что временная ориентация сопряжена с особенностями поведения человека в ситуациях неопределенности, копинг-стратегиями (В. В. Абрамов, С. Л. Свешникова и др.), выступает одной из составляющих адаптационного потенциала личности (Д. А. Леонтьев, А. И. Гусев, Ю. Ю. Неяскина и др.). Особенно актуальными видятся вопросы специфики временной ориентации современных подростков, относительно которых исследователи указывают на множество негативных явлений (Д. И. Фельдштейн, Л. В. Петрановская, Л. Стейнберг, М. МакКатчен и др.).

Традиционно подростковый возраст рассматривается как период активного становления личности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Л. И. Божович, И. В. Дубровина, Т. В. Драгунова и др.), а оформление временной перспективы и ориентации выступает в качестве одной из его центральных линий (К. Левин, Ф. Зимбардо, И. С. Кон, П. И. Яничев и др.). Развитие рефлексии в подростковом возрасте способствует тому, что в сознании и самосознании подростка происходит интеграция различных временных измерений: происходит осознание и осмысление прошлого,